

Ресторан Союза писателей. Первые послевоенные годы. Буфет с бутылками. Нонусы томатного сока. Ваза с апельсинами. Было накурено. Около стойки толпились мужчины и выпивали. Осталось ощущение клубящегося серого марева.

Я не помню, сколько лет мне было, может, пять или шесть. Я еще не ходила в школу. У мамы были какие-то дела в Союзе писателей. После дел мы пошли обедать в ресторан. Меню было для всех одинаковое. Суп-лапша.

К нам подошел человек в серой рубашке, похожий на рабочего, но с невероятно пронзительным лицом. И очень серьезно, без улыбки подарил мне апельсин. Я помню цены того времени, апельсин стоил 5 р., стакан семечек или клюквы — 1 р. Мама удивленно сказала: «Этот человек нищий, а подарил тебе апельсин». Она не сказала, кто он. Когда мне было 17 лет, в киоске в городе Перми я купила тонкую синенькую книжку Платонова. Это был первый его сборник, после долгого перерыва. Раскрыв, я увидела фотографию и сразу узнала его единственное лицо. Оказывается, это Платонов подарил мне апельсин. Я к тому времени слышала о нем. И читала сборник «Епифанские шлюзы», изданный в 1920-х годах. Мама говорила, что это очень оригинальный писатель.

Гораздо позже, во время студенческих каникул, я увидела Машу Платонову. Она оказалась моей соседкой по комнате в доме отдыха. Я как будто сразу узнала Платонову. Одно лицо. «Вы дочка Платонова», — уверенно сказала я. «Да», — ответила Маша. Мы подружились.

Их маленькая квартира во дворе Литинститута была одновременно грустной и уютной. Мария Александровна все сохранила, как при жизни мужа. Связь отца, дочери и жены была неразрывна, и казалось, что дух Платонова витает в воздухе и охраняет их. Судя по творчеству Плато-

На фронте, будучи корреспондентом «Красной Звезды», Платонов спал в избе под часами-ходиками, хозяин говорил, что эти часы никогда не останавливаются. Платонов проснулся оттого, что часы остановились, и он понял, что его сын умирает. И он без разрешения начальства выехал домой.

нова, он жил сразу и всерьез. И у них не было черновинов жизни. Они были естественны, как природа. Мария Александровна напоминала мне куст. Зеленый, с мелкими светлыми цветочками. Очень самобытный и теплый. В ней была удивительная невозмутимость. Невозмутимость природы. Это внутренняя согласованность с той судьбой, которая ей определена. А Маша — кустик поменьше. Но они были одно в любви и заботе друг о друге и бесконечной преданности Платонову. Он впитался в их души, как будто с того света следил за полнотой своего присутствия. И при всей сложности платоновского дара они чувствовали его, вникали и принимали всем сердцем.

Мария Александровна сохранила до последних дней красоту лица. Огромные светлые глаза, точеный маленький нос, добрые губы. Несмотря на возрастную полноту, у нее была грация, и движения ее были плавные. Очень независимая, никакой суеты. Я рассказала Марии Александровне про апельсин. Она задумчиво произнесла: «Да, Платонов очень любил детей. Он считал, что дети мудрецы и вообще высшие существа». Она возмущалась слухами, что якобы Платонов работал дворником: «Разве я бы такое допустила, я работала редактором, жили трудно, но не голодали». Преданная и любящая, во все самые трудные периоды их жизни, она рассказала, что одно время их соседом был известный «пролетарский поэт». Его жену, чекистку, она застала роющейся в рукописях Платонова. Без всяких объяснений та грубо схватила Марию Александровну за плечо и прошипела: «С такой фигурой и лицом я бы была женой нарнома».

На фронте, будучи корреспондентом «Красной Звезды», Платонов спал в избе под часами-ходиками, хозяин говорил, что эти часы никогда не останавливаются. Платонов проснулся оттого, что часы остановились, и он понял, что его сын умирает. И он без разрешения начальства выехал домой.

Мария Александровна любила семейные праздники. Необыкновенно вкусно готовила. Пироги, рыбу, торты. Она пела романсы, а в Рождество исполнила тропарь. В ней и Маше была русская основательность. Любовь к уюту. Чтобы все было красиво и в порядке. И удивительно, что они при этом так тонко чувствовали и любили творчество Платонова, которое в основе безбытно.

Радушная Мария Александровна бывала и подозрительна. Потому что много страдала и часто сталкивалась с фальшью и обманом. Об одном литераторе, который набивался в друзья, она сказала: «Я вижу, что своими маленькими глазками он все время что-то маракует». Они с Машей очень гармонично смотрелись на природе, особенно хороши были летом, среди кустов и цветов. Когда они прогуливались, казалось, что они вышли из какой-то старинной усадьбы. Город был не их среда, они там несколько терялись.

Мария Александровна, образованная и начитанная, говорила, что хотела стать писательницей. Вообще, она уважала писателей и говорила нам с Машей, что жизнь даже с самым захудалым писателем будет интересней, чем жизнь с человеком любой другой профессии. Но, мне кажется, она была слишком женственная для писательницы. Не зная, как определить Марию Александровну, одна литературная дама, похожая на пластмассовый цветок, сказала: «Ну, это же настоящая попадья». И ее собеседница, похожая на облезлого дятла, задолбила в ответ: «Да, да, да!» Это было в Доме творчества писателей «Голицыно», где я навещала мою маму. Эти дамы, видимо, уловили, но не знали, как определить доброкачественную суть Марии Александровны.

Маша помнила отца. Она рассказывала, что когда отец был жив, она была слишком мала для того, чтобы сформулировать слово «любовь». Но позже поняла, что любовь в доме была естественна, как правда. Ей дома было так хорошо. Ничего другого она не знала. В детский сад ее не отдавали.

Самое первое ее воспоминание. Она сидит на ступеньке маминной проходной комнаты, ведущей в большую, а отец лежит в конце большой комнаты на животе и читает ей сказки. Она помнила, как отец на руках носил ее на станцию в Голицыно, где они снимали дачу, и покупал ей что-то круглое белое в вафлях и говорил, что это зефир. Позже Маша поняла, что это было мороженое. Он так говорил, чтобы Маша не проболталась маме, которая боялась простуд.

В период улучшения болезни он всегда снимал дачу вблизи железной дороги. В Голицыно или на станции Отдых. Чтобы смотреть на пролетающие поезда, слышать их грохот, дышать родным для него воздухом железной дороги. Для него машина было одухотворенной. Ведь его отец, Платон Фирсович Климентов, — железнодорожник и изобретатель-самоучка, усовершенствовал тормоза на паровозах.

Машу крестили в шесть лет, когда она болела. В церкви «Нечаянная Радость» она запомнила мальчина в пионерском галстуке, которого тоже крестили. Видимо, его мать считала, что это парадная одежда. Священник молча носился на галстук.

Маша была талантливой художницей. Как-то мы с ней за городом рисовали цветы. И она предложила рисовать ощущения и воспоминания от цветов. Ей нравились цветы Володи Яковлева, она с ним дружила. Мы навещали его в психбольницах, куда он иногда попадал. Однажды его там обрили наголо, и он, выйдя к нам, сказал, что теперь волосы начнут расти внутрь головы. Нам удалось его разубедить и успокоить. Он повел нас к коллекционеру Георгию Ностани. Грузный, барственный и усталый Ностани угощал нас красным вином и сервелатом. Сказал, что знает, что Платонов знаменитый писатель. Его картинную галерею описывать не буду, казалось, что наяву такого не может быть.

Мария Александровна и Маша все сделали для того, чтобы Платонов был издан. Мария Александровна сохранила все его рукописи. Она сберегла каждый написанный им листок. Платонов писал без надежды быть напечатанным, писал, потому что не мог не писать. Почти никто из писателей не может похвалиться таким объемом, написанным в стол. Его творчество — это его жизнь, он писал, отдавая свою жизнь. Мария Александровна с Машей редактировали и считывали, готовили к печати «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море» и многое другое.

Маша рано ушла. Она начала подготовку полного собрания сочинений Платонова. Тяжело вспоминать, как она боролась за сохранение квартиры-музея отца. Она там сделала ремонт и покрасила стены в синий цвет, как это было при жизни отца. Но наступило другое время.

